

Незавершенный цикл сатир (1859—1871 гг.), изображающих социальные низы и социальные верхи капитализирующегося города. Сатиры «О погоде», «Балет», «Газетная». Комедия «Как убить вечер». «Медвежья охота»

По мере того как усиливалась реакция, — все ожесточеннее и ожесточеннее боролся с нею Некрасов. Основным орудием борьбы в его руках в эти годы, как уже неоднократно упоминалось, являлась сатира. «Песни о свободном слове», о которых мы только что говорили, принадлежат, конечно, к разряду сатирических стихотворений. Одновременно с их созданием Некрасов начинает работать над большим циклом номерных сатир, в которых его сатирическому пафосу суждено было проявиться с наибольшей силой.

Прежде чем перейти к непосредственному анализу этого цикла, вкратце остановимся на взглядах Некрасова на роль и значение сатиры. Они с достаточной определенностью отразились в его стихотворениях 50-х годов: «Блажен незлобивый поэт» (1852), «Поэт и гражданин» (1856), причем высказанные здесь суждения были подтверждены всей художественной практикой «Музы мести и печали». Нужно ли говорить, что сущность этих взглядов заключалась в убеждении, что сатира должна преследовать не частные проявления общественного зла, а поражать это зло в его социальных истоках, в его существе. Некрасов, само собой разумеется, не поколебался бы подписаться под суждениями Добролюбова о сатире в его известной статье «Русская сатира в век Екатерины», в частности под суждением о том, что частные проявления зла «суть не что иное, как неизбежные следствия ненормальности всего общественного устройства».¹

¹ Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. 2, 1935, стр. 139.

Цикл сатир Некрасова и говорит о «ненормальности» всего общественного устройства. Еще сравнительно недавно об этом цикле сатир Некрасова почти ничего не было известно. Но с выходом т. II «Полного собрания сочинений и писем» Некрасова (1948) вопрос о них прояснился. В текстологических примечаниях к стихотворению «Недавнее время» дается ряд сведений об этом цикле, основанных на тщательном изучении рукописного материала.¹

Вчитываясь в соответствующие строки текстологических примечаний, неизбежно приходишь к выводу, что содержащийся в цикле материал распадается на две группы: первую составляют пять сатир (I, II, III, V и VI), изображающих «уличные впечатления»,² вторую составляют семь сатир, изображающих «клубные впечатления». Соединительным звеном между ними является девятая сатира «Балет» (первоначальное ее название «Театр»), изображающая «театральные впечатления». Последовательность в развитии действия в рассматриваемых сатирах определяется, с одной стороны, временем дня («Утренняя прогулка», «До сумерек», «Сумерки»), с другой — стремлением укрыться от мороза («Крещенские морозы», «Кому холодно, кому жарко»), приводящим героя сначала в театр («Балет»), а затем в клуб («Газетная», «Недавнее время»).

Нет надобности доказывать, что рассматриваемый цикл задуман был как огромное по своим размерам произведение.

Те восемь сатир его, которые появились в печати, т. е. пять сатир «О погоде» и «Балет», «Газетная», «Недавнее время» составляют 2259 стихотворных строк. Цифра чрезвычайно показательная!³ Дело, конечно, не в размерах, а в качестве

¹ Не забудем, что автором текстологических примечаний к I, II и III томам «Полного собрания» был покойный литературовед А. Я. Максимович, исключительный знаток рукописного наследия Некрасова. Ему, следовательно, и принадлежит честь первоначального прояснения вопроса об интересующем нас цикле.

² Этот подзаголовок принадлежит самому Некрасову.

³ Если бы ее стали оспаривать на том основании, что сатира «Недавнее время» состоит не только из отрывков, заготовленных в 1865 году для цикла «номерных» сатир, но и частей, позднее написанных автором, то это возражение легко было бы опровергнуто указанием на то, что часть данного цикла, например сатиры IV, VII, VIII, остается до сих пор неизвестной и в наши подсчеты стихотворных строк не вошла. Сомневаться же в том, что некоторые из этих неизвестных сатир существовали, отнюдь не приходится, что видно хотя бы из следующей сноски Некрасова при печати второй части сатир «О погоде» («Современник», 1865, № 2): «Глава IV, следующая за напечатанными (т. е. за напечатанными ранее тремя главами первой части, — В. Е.-М.), выпущена».

произведения, а качество определяется единством общественной значимости и художественного совершенства.

И в том и в другом отношении рассматриваемый цикл выдерживает самое строгое испытание, несмотря на то, что его невозможно рассматривать как законченное целое. Сказанное подтверждается анализом как идейного смысла, так и художественной его стороны.

Рассмотрим сатиры, посвященные «уличным впечатлениям».

Всякий раз, когда приходится говорить о городских мотивах в творчестве Некрасова, независимо от того, где находят место эти мотивы — в прозаических или стихотворных его произведениях, вспоминается знаменитая тирада из романа о Тросникове — тирада о двух Петербургах, о Петербурге дворцов и Петербурге чердаков и подвалов, о Петербурге «счастливых», которым тесны целые дома», и о Петербурге «несчастливых», которым нет места даже на чердаках и в подвалах.

Эта тирада отражает тот угол зрения, под которым Некрасов рассматривает жизнь большого капитализирующегося города, в данном случае Петербурга. И тогда, когда он писал свои первые романы, и тогда, когда он работал над небольшим циклом «На улице» (1850), и тогда, когда он создавал свои замечательные «Размышления у парадного подъезда»,¹ — он смотрел на социальные противоречия города теми же глазами, что и в только что упомянутой тираде о двух Петербургах — Петербурге бедняков и Петербурге богачей.²

Употребленное здесь выражение «выпущена» ни в коем случае не может быть понято, как указание на то, что этой главы не существовало. Скорее наоборот!

¹ «Размышления у парадного подъезда» в основном принадлежат к городским мотивам в творчестве Некрасова, ибо действие стихотворения происходит на улице, и оно без всякой натяжки может быть отнесено к порожденным «уличными впечатлениями». Допустимо, предположение, — разумеется, только предположение! — что под «выпущенной» IV сатирой цикла «О погоде» Некрасов в какой-то мере мог разуметь «Размышления». С другой стороны, уличными же впечатлениями навеяно стихотворение того же 1858 года «Убогая и нарядная».

² Характерно, что примерно к тому же времени, когда писалась упомянутая тирада из «Тихона Тросникова», Некрасов работал над стихотворным фельетоном «Говорун», в котором (в главе V первой части) имеются стихи:

Столица наша чудная
 Богата через край,
 Житье в ней нищим трудное,
 Миллионерам — рай.
 Здесь всюду наслаждения
 Для сердца и очей,
 Здесь всё, без исключения
 Возможно для людей:
 При деньгах — вдвое вырасти,

Между созданием первой части цикла сатир «О погоде» (в 1858 году) и второй его части (в 1865 году) протекло свыше 6 лет. Это, само собой разумеется, не могло не отразиться на характере каждой из частей цикла, но все же между ними нетрудно установить определенную связь.

Первая часть, со скорбным сочувствием изображая «маленьких людей», «униженных и обиженных», преимущественно представителей петербургской бедноты, является как бы вступлением к сугубо сатирическим стихам, разоблачающим социальные верхи Петербурга, а прежде всего ко второй части того же цикла «О погоде».

В I сатире первой части «Утренняя прогулка» перед нами похоронная процессия: везут на кладбище труп горемыки-чиновника, за гробом его идет «старушонка в кацавейке, в мужских сапогах»; очевидно, прислуга покойного, такая же горемыка, как и он. Присоединившийся к процессии автор отправляется «по кладбищу гулять». Ему хочется поискать

Там одной незаметной могилы,
Где уснули великие силы. . .

Нетрудно догадаться, что речь идет о Белинском, который в изображении «маленьких людей», «униженных и обиженных», видел одну из главных задач литературы и к разрешению ее не устал звать писателей гоголевской школы.

Во II сатире первой части «До сумерек» центральное место занимают изумительная по яркости, а вместе с тем и по производимому ею впечатлению сцена избиения извозчиком «лошади-калеки» и разговор автора с рассыльным Минаем, таким же маленьким человеком, как и умерший чиновник и старушонка. Заканчивается эта сатира описанием «сотни сотен крестьянских дровней», на которых крестьяне привезли сдавать своих парней в рекруты («Чу! рыдание баб истеричное!»).

В последней, III сатире, первой части дается описание улицы и ее населения, причем акцент делается на описании жизни бедняков, мрущих «то и знай».

Бедность гибельней всякой заразы,

ибо несет за собой

Холод, голод, сырые жилища.

Чертовски разжиреть,
От голода и сырости
Без денег умереть.

Отсюда вывод, что настроения, сказавшиеся в тираде о двух Петербургах, были прочно усвоены Некрасовым.

Мрачным сценам, изображающим быт петербургской бедноты, соответствуют мрачные описания петербургской погоды, как, например:

Начинается день безобразный —
Мутный, ветренный, темный и грязный.

Ветер что-то удушлив не в меру,
В нем зловещая нота звучит,
Всё холеру—холеру—холеру —
Тиф и всякую немочь сулит!

А потому естественным и психологически обоснованным является, когда поэт, как бы сливая впечатления от «безобразного дня», от безобразной погоды со своими настроениями, восклицает:

Ах, еще бы на мир нам с улыбкой смотреть!
Мы глядим на него через тусклую сеть,
Что как слезы струится по окнам домов
От туманов сырых, от дождей, от снегов!

Переходя ко второй части цикла о «Погоде», следует самым решительным образом подчеркнуть, что Некрасовская сатира 60-х годов в значительной степени основана на принципе сатирического контраста. Этот принцип сравнительно слабо выражен в первой части рассматриваемого цикла, но во второй части находит себе необыкновенно яркое и сильное выражение.

В IV сатире¹ («Крещенские морозы») Некрасов, проявляя исключительное мастерство, противопоставляет два слоя петербургского населения — бедняков и богачей.

Бедняки легко делают жертвой свирепого мороза, и напрасно они взывают, обращаясь к морозу:

«Уходи из подвалов сырых.
Уходи, уходи, уходи!
Петербургскую голь пощади!»

Мороз неумолим, он

... не щадит, — прибавляется.
Приуныла столица...

Еще бы не приуныть, когда

Всевозможные тифы, горячки,
Воспаленья — идут чередом,
Мрут, как мухи, извозчики, прачки,
Мерзнут дети на ложе своем.

¹ Или же в V сатире, если считать, что одна сатира «выпущена».

Что касается «довольных и сытых людей», то их преследуют не мороз, не порожденные им болезни, не голод, — их преследует иной «бич», иной «убийца» — паралич, являющийся следствием непомерного обжорства. Приведя ряд конкретных примеров с указанием имен («Нестор Фомич», «генерал Федор Карлыч фон Штубе, десятипудовый генерал»), Некрасов рисует Невский, наводненный толпой перепуганных, совершающих обязательный моцион обжор:

В эту пору никто не гуляет,
Кроме мнительных, тучных обжор,
Говоря меж собой про удары,
Повторяя обеты не есть,
Ходят эти угрюмые пары,
До обеда не смея присесть,
*А потом наедаются вдвое,*¹
И на утро разносится слух,
Слух ужасный — о новом герое,
Испустившем нечаянно дух!

В V (или же в VI) сатире («Кому холодно, кому жарко») социальный контраст достигается иными средствами. Слегка коснувшись «мрачных сцен», происходящих «в предместьях дальних»,

Где, как черные змеи, летят
Клубы дыма из труб колоссальных,
Где сплошными огнями горят²
Красных фабрик громадные стены...

изобразив сугубо реалистически грязь и зловоние Петербурга летом, Некрасов рисует красоты зимнего Петербурга («зимой, словно весь посеребренный, пышен Петербург самобытной красотой!»), красоты блистающего огнями и витринами магазинов Невского. Но эти красоты не меняют усвоенного Некрасовым представления о Петербурге как о городе социальных противоречий.

В процессе работы над своим остро сатирическим циклом Некрасов постоянно ощущал тяжелый пресс цензуры, о чем и не побоялся довести до сведения своих читателей:

А театры, балы, маскарады?
Впрочем, здесь и конец, господа,

¹ Курсив наш, — В. Е.-М.

² Эти и последующие стихи являются убедительнейшим доказательством того, что в орбиту внимания Некрасова как поэта в 60-е годы уже начинал попадать Петербург фабричных окраин с его пролетарским населением.

Мы бы там побывать с вами рады,
Но нас цензор не пустит туда.¹

И все же он попытался проникнуть в область, огражденную цензурными рогатками. Полного успеха ему эта попытка не принесла, но все же две сатиры он провел в печать вслед за циклом «О погоде». Это сатиры «Балет» (сатира IX) и «Газетная» (сатира XII).

Едва ли мы ошибемся, если скажем, что эти сатиры не только являются одними из лучших в сатирическом наследии Некрасова, но и принадлежат к лучшим образцам сатирического жанра в нашей литературе.

Достаточно прочесть первые строки «Балета», чтобы убедиться в том, что «Балет» композиционно связан с двумя предыдущими сатирами, в которых петербургская улица и уличная жизнь изображались зимой, в лютый мороз. А первые строки «Балета», — напоминаем читателям, — таковы:

Свирепеет мороз ненавистный.
Нет, на улице трудно дышать.
Муза! нынче спектакль бенефисный,
Нам в театре пора побывать.

«Балет» и рисует театральные впечатления автора, которые приводят к беспощадному сатирическому разоблачению социальных верхов русского общества, в которых он уже давно и безоговорочно привык видеть виновников бедственного положения народа.

Более половины «Балета» (свыше 200 стихотворных строк) — это яростная атака именно против социальных верхов. Хотя поэт, рекомендуясь обычным посетителям балета, уверяет их, что пришел в театр не для того, чтобы найти «предмет для сатиры», однако эти уверения воспринимаются как язвительная ирония:

Знайте, люди хорошего тона,
Что я сам обожаю балет.
«Пораженным стрелой Купидона»
Не насмешка — сердечный привет!
Понапрасну не бейте тревогу!
Не коснусь ни военных чинов,
Ни на службе крылатому богу
Севших на ноги статских тузов.
Накрахмаленный денди и щеголь
(То есть: купчик — кутила и мот)
И мышиный жеребчик (так Гоголь

¹ Курсив наш, — В. Е.-М.

Молодящихся старцев зовет),¹
 Записной поставщик фельетонов,
 Офицеры гвардейских полков
 И безличная сволочь салонов —
 Всех молчаньем пройти я готов!

«Безличная сволочь салонов»² — что может быть резче этой формулировки!

Направив первый свой удар против светского общества, в котором первенствующую роль играли баре-аристократы, сановники, гвардейцы, золотая молодежь, — Некрасов переходит затем к сатирическому разоблачению буржуа-капиталистов, ворочающих миллионами. Не ограничиваясь показом новоявленных «хозяев исторической сцены», Некрасов, — и это составляет его величайшую заслугу, — очень остро ставит вопрос о растлевающем влиянии богатства на нравственную природу человека.

Как омерзительен, а вместе с тем и страшен образ «красавицы», щеголящей в ожерелье «красоты идеальной»:

Говорят, чтобы в нем показаться
 На каком-то парадном балу, —
 Перед гнусным менялой валяться
 Ты решила на грязном полу...

Однако, «красавица» равнодушна к своей репутации. Она готова на все, буквально на все, чтобы только не расстаться

С этой чопорной жизнью салонной
 И с разгулом интимных ночей;
 С этим золотом, бархатом, шелком,
 С этим счастьем послов принимать.

И затем поистине клеймящие строки:

Ты готова бы с бешеным волком
 Покумиться, — чтобы снова блистать...

Придерживаясь и в «Балете», как и в большинстве сатир этого цикла, обзорной композиции, Некрасов вслед за изображением зрителей, сидящих в ложах бельэтажа, переходит к изображению того, что происходит на сцене. А на сцене мод-

¹ В VIII гл. первой части «Мертвых душ» сказано: «...семенил ножками, как обыкновенно делают маленькие старички-щеголи на высоких каблуках, называемые мышиными жеребчиками, забегающие весьма проворно около дам» (Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, т. VI, Изд. АН СССР, 1951, стр. 165).

² Курсив наш, — В. Е.-М.

ная балерина, одетая в крестьянскую рубаху, танцует особый танец, который в те времена так и назывался «мужичок». Этому танцу, возбуждающему восторги балетоманов, Некрасов, верный все тому же методу контрастов, противопоставляет танец идущего за обозом русского мужика:

В мерзлых лапотках, в шубе нагольной,
 Весь заиндевав, сам за себя
 В эту пору он *пляшет*¹ довольно,
 Зиму дома сидеть не любя.
 Подстрекаемый лютым морозом,
 Совершая дневной переход,
*Пляшет*¹ он за скрипучим обозом,
*Пляшет*¹ он — даже песни поет!

Совершенно ясно, что здесь наиболее ярко выражен идейный смысл сатиры. С одной стороны, пляшет модная балерина на потеху представителей социальных верхов, с другой — пляшет «подстрекаемый лютым морозом», угнетенный и разоренный этими же верхами русский мужик. Противопоставление этих двух плясок не может не произвести определенного общественно-психологического эффекта. Оно с исключительными силой и яркостью подчеркивает возмущающие душу противоречия социальной жизни.

Мороз, заставивший автора (он же лирический герой) бежать с улицы и искать спасения в театре, очевидно вынуждает его, по окончании спектакля, поспешить в клуб.

Таков композиционный переход от «театральной» сатиры к «клубным». Но, как уже указывалось выше, «клубные сатиры» Некрасову по цензурным соображениям пришлось отложить до лучших времен.

Единственной сатирой такого рода, напечатанной вскоре после своего создания, была сатира «Газетная».

«Газетная» появилась в первой же после отмены предварительной цензуры согласно новым правилам о печати книжке «Современника» (1865, № 8) и вызвала ярый гнев цензурных инстанций, так как в выражениях поистине беспощадных заклемила образ цензора. Действительно, этот образ — один из самых сильных образов людей этой профессии в русской литературе; он вполне выдерживает сравнение со ставшими классическими образами цензора в «Посланиях к цензору» Пушкина. Цензор в изображении Некрасова — это не просто чиновник, претворяющий в жизнь предписания начальства, это фанатик, закосневший в своих ультрареакционных убеждениях,

¹ Курсив наш, — В. Е.-М.

это изувер, влюбленный в свою гнусную профессию. Открывать «канупер»¹ в произведениях литературы для него сущее наслаждение. Он в такой мере одержим желанием постичь тайный смысл написанного, что думает об этом и днем и ночью:

Иногда до того я вникал,
Что во сне благодать осеняла,
И, вскочив, — я черкал и черкал!

В конце концов герой «Газетной» получил воздаяние, но не то, которым грозили ему в «бранных письмах» оскорбленные им писатели или приснившийся ему с суковатой палкой Фейербах, или «баба-нахалка», пытавшаяся ударить его в маскарade. Страшный приговор вынесен ему его собственным сыном, назвавшим его позорным словом «палач».

Не меньшее омерзение, чем цензор, внушает и другой всегдатай «Газетной» — помещик-крепостник, на совести которого лежит ряд уголовных преступлений. Но окружающая его социальная среда считает его своим и легко мирится с его преступлениями, о которых прекрасно осведомлена.

В том-то и беда, — такова основная мысль автора «Газетной», — что ни фанатик-цензор, ни изверг-крепостник не воспринимаются окружающей средой как явления нетерпимые.

Передавая толки высокопоставленных «особ», членов клуба, о гласности, обрисовав попутно художественный портрет одной из таких «особ»,² Некрасов самым недвусмысленным образом дает понять, что и у цензора и у крепостника не мало единомышленников, таких же оголтелых реакционеров, как и они.

Однако самое название сатиры обязывало Некрасова, не ограничиваясь общим разоблачением реакции и реакционеров, внести в «Газетную» специфический газетно-литературный мотив. Он и внес в свое стихотворение несколько едких стихов о нелюбви светского, т. е. реакционного, читателя к «словесности русской», о неизменном предпочтении, которое он отдает «французским романам». Едким сарказмом дышит об-

¹ Канупер — сильно пахнущее растение.

² Напоминаем этот портрет:

Раз послушав такого туза,
Не забыть до скончания века
В мановени брови — гроза!
В полуслове — судьба человека!
Согласишься, почтителен, тих,
Постоишь, удалишься украдкой
И начнешь сатирический стих
В комплимент перелаживать сладкий

щая характеристика реакционной печати. Поэт касается таких острых вопросов, как вопрос о «правительственных субсидиях», о бесчестных и лживых выпадах против революционеров, о «доносах на народ», о поджогах, в которых повинны якобы «вино и свобода». Прямо выразить эту мысль Некрасов по цензурным условиям не мог, но она явственно ощущается в стихах:

Тот добился успеху во многом
И удачно врагов обуздал,
Кто идею свободы с поджогом,
С грабежом и убийством мешал;

В реакционной печати 60-х годов нередко высказывалась мысль, что если народ получит свободу, то он неминуемо сопьется.

Наиболее важным, наиболее существенным из литературных мотивов «Газетной» является декларация взглядов самого Некрасова на назначение литературы и поэзии. Эта декларация направлена против реакционных настроений, против попыток скрыть социальные конфликты и противоречия. Она находится в органической связи с теми стихами, которые сохранились в черновике «Газетной», но потом были изъяты и заменены всего тремя строчками (строки 49—52 по беловому тексту). Вот эти замечательные, мало кому известные стихи:

А у меня есть приятель (без меры
Он в французские книги влюблен.
Чтоб *своей не испортить карьеры*¹
Он скрывает свой ум, но умен).
Мы однажды с ним весело пили
И он вдруг мне сказал от души:
«Мне вчера *елиши вирши*¹ хвалили,
И должно быть они хороши». (Я надеюсь, того не обижу,
Чьи слова привожу?) — Почему?
«Потому что я их *ненавижу*,¹
Мрак и стон! Ну, скажите, к чему
Час досуга, за утренним чаем,
Для чего я тоской отравлю?
Наши немощи знаем мы, знаем,
Но я думать о них не люблю! . . .»²

Из этого отрывка с неизбежностью вытекает, что собеседник Некрасова настроен в достаточной степени реакционно и

¹ Курсив наш. — В. Е.-М.

² Последние четыре строки имеются и в беловике, они — общеизвестны, но мы привели их, чтобы полнее передать смысл всего отрывка.

принадлежит к числу тех читателей, которые ценят только развлекательную литературу, которые хотят, чтобы книга уносила их подальше от действительности с ее «мраком и стоном», с ее «немощами». Одним словом к числу тех читателей-сибаритов, о которых многими годами раньше так хорошо сказал Белинский: «... для твоего спокойствия и книги должны лгать, и бедный забывать свое горе, голодный свой голод, стоны страдания должны долетать до тебя музыкальными звуками, чтобы не испортился твой аппетит, не нарушился твой сон».¹

Некрасов всецело разделял отрицательное отношение Белинского к такого рода читателям, ибо из их рядов формировались кадры реакционеров как в области вопросов социально-политических, так и вопросов литературно-эстетических. Для него было ясно, что подобного рода психология в конце концов приводила в лагерь сторонников чистого искусства, т. е. заклятых врагов того направления в современной литературе, которого Некрасов не только придерживался, но которое и возглавлял.

Вот почему его отповедь противнику «мрака и стола» в литературе написана в таком взволнованном тоне, вот почему эта взволнованность сообщила его отповеди такие силу, образность, а вместе с тем такую эмоциональную выразительность:

Эта песня давно уже слышится,
 Но она не ведет ни к чему,
Коли нам так писалось и пишется,
*Значит — есть и причина*² тому!
 Не заказано ветру свободному
 Петь тоскливые песни в полях,
 Не заказаны волку голодному
 Заунывные стоны в лесах;
 Спокон веку дождем разливаются
 Над родной стороной небеса,
 Гнутся, стонут, под бурей ломаются
 Спокон веку родные леса,
 Спокон веку работа народная
 Под унылую песню кипит,
*Вторит ей наша муза свободная,*²
 Вторит ей — или честно молчит.

Эти строки среди поэтических деклараций Некрасова занимают одно из важнейших мест. Ведь в них Некрасов дает ключ к пониманию сущности его поэзии. «Причина», почему

¹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. XI, 1917, стр. 93.

² Курсив наш, — В. Е.-М.

«нам так писалось и пишется», иначе говоря, причина тех «мрака и стона», которыми так возмущались читатели-сибариты в поэзии Некрасова, — в том, что эта поэзия отражает жизнь, условия, в которых живет русский народ. А когда тяжело народу, каждый честный гражданин может лишь вторить унылой песне народной или молчать.

А дальше знаменитое четырехстишие:

Примиритесь же с Музой моей!
Я не знаю иного напева.
Кто живет без печали и гнева,
Тот не любит отчизны своей...

«Газетная» и «Балет» появились на страницах «Современника» перед той вспышкой необычайно дикой, подлинно безудержной реакции, которую правительство Александра II ответило на выстрел Каракозова (4 апреля 1866 года). Все усилия Некрасова, в том числе даже такие компромиссы, как мадригал в честь Муравьева-Виленского, оглашенный на торжественном обеде в Английском клубе, не в состоянии были спасти «Современник». Журнал был запрещен, некоторые из его сотрудников посажены в крепость, на квартире арестованного Г. З. Елисеева был временно задержан и сам Некрасов. Душевные потрясения, вызванные этими событиями и отразившиеся в ряде «покаянных» стихотворений («Ликует враг, молчит в недоуменьи», «Неизвестному другу», «Зачем меня на части рвете») прервали, не могли не прервать дальнейшей работы Некрасова над циклом сатир. Тем более, что провести их в печать в атмосфере дикого цензурного террора не было никакой надежды.¹

Однако Некрасов не принадлежал к числу таких бойцов, которые легко отступают. В том же роковом для него 1866 году он приступил к работе над комедией «Как убить вечер», а в 1867 году продолжал эту работу. Эта комедия была задумана как произведение, в котором были бы изображены и, в известной мере, сопоставлены основные силы русской общественности; в котором были бы художественно изображены и народ, и торжествующие реакционеры, и либералы, начавшие уже смыкаться с консерваторами, и выбитые

¹ Характерно, что когда через пять лет Некрасов вставил ряд крупных отрывков из оставшихся ненапечатанных клубных сатир в свою сатирическую поэму «Недавнее время», — то она возбудила необычайные опасения как в Цензурном комитете, так и в Главном управлении по делам печати и должна была послужить мотивом для объявления предостережения новому некрасовскому журналу «Отечественные записки».

из колеи, потерявшие веру в себя радикалы, и представители нарождающейся истинно демократической интеллигенции; в котором настоящее ставилось бы в связь с прошлым, в зависимость от него. Одним словом, Некрасов задумал произведение, исключительно важное по своей общественной значимости и исключительно трудное для художественного оформления. Вокруг какого сюжетного стержня объединить многочисленные персонажи задуманного произведения? С помощью каких пружин заставить эти персонажи двигаться и заинтересовать собой, своими взглядами и убеждениями читателей?

Раздумывая над жанром намеченного произведения, Некрасов останавливается на жанре смешанном, руководствуясь тем совершенно правильным соображением, что сложность идейного замысла усложнит содержание настолько, что для его художественного оформления придется использовать различные жанры. И все же элементам драмы, драматического произведения поэт предполагал дать преобладание.

Замысел комедии «Как убить вечер?», к величайшему сожалению, остался нереализованным до конца. Комедия дошла до нас в составе первого и части второго действия. Она не была напечатана при жизни Некрасова. Однако отрывки из первого акта, конечно, в переработанном виде, Некрасов опубликовал под названием «Медвежья охота».

Сначала несколько слов о задуманной комедии. В основе ее выдвигается и подчеркивается противопоставление двух миров: мира богатых, праздных «господ» и мира оборванной, унылой, испитой крестьянской бедноты, нанявшей в загонщики за жалкие гроши, неохотно и с прижимом уплачиваемые распорядителем охоты — чванливым аристократом князем Сухотиным.

Как бы подводя итог наблюдениям над взаимоотношениями мира великосветских охотников и мира крестьянской бедноты, Некрасов устами лесничего говорит:

... они так грубо
С народом обращаются; так явно
Презрение свое, высокомерье
Показывают бедным мужикам!
С чего? пред кем?..

Им здесь народ необходим: медведя
Он им нашел, он обложил его,
Он им его в морозы караулил,
Он им к нему дорогу протоптал
И на своих голодных лошаденках
Сюда привез их — и теперь пошел

В жестокий холод, по снегам глубоким
 Медведя выставлять на них, и он же
 Поможет им отсюда убраться.
 (Ведь надобно сознаться, что уйди
 Теперь народ, так этим господам
 Самим и до деревни не добраться:
 Замерзнут, как подстреленные волки.)
 Да, им народ здесь нужен. А меж тем
 Они его трактуют так надменно
 И норовят на гривну обчитать,
 И жмутся от него, как от собаки...

Окончательный вывод, опять-таки вложенный в уста лесничему, но, без сомнения, всецело разделяемый Некрасовым, это —

Не только *не приятны*, мне *противны*
 Все эти люди,¹ шумною ордой
 Нахлынувшие в наше захолустье...

Таков суд поэта над аристократическими верхами, состоящими, в огромном большинстве, из откровенных реакционеров.

Уделено внимание в комедии и российским либералам, но особенно подробно эта тема разработана в «Медвежьей охоте». При анализе последней мы еще вернемся к этой теме, а пока обратимся ко второму действию комедии.

Оно вводит новое действующее лицо. Это Люба Тарусина, «красивая, стройная девушка», даже «красавица», которая, живя в провинциальной глуши, страстно мечтает о театре, о поступлении на сцену, но встречает упорное противодействие со стороны своей матери, бывшей актрисы, в душе которой воспоминание об ее артистической деятельности сопряжено с какими-то неимоверно мучительными переживаниями.

Люба, узнав о том, что князь Сухотин — «важный господин», что у него «большая власть», что ему «все знакомы», тайно от матери приходит на квартиру, где расположились на ночлег охотники, чтобы просить Сухотина «определить ее к театру»,² а для этого, прежде всего, ему надо будет «поговорить со старухой», может быть она послушается его убеждений. Сухотин, которому его старость не мешает быть очень сластолюбивым, «не то, чтобы растаял, но скорей раскис» (выражение Остроухова) при виде молодой красавицы.

¹ Курсив наш, — В. Е.-М.

² Обращение Любы к Сухотину с этой именно просьбой подтверждает предположение, что одним из прототипов Сухотина мог быть Сабуров, директор императорских театров, известный своим волокитством за актрисами и танцовщицами.

вицы, обещает ей свое содействие, тем более, что ее пение, — она поет знаменитую песню, воспринимавшуюся в 60-е годы как одушевленный призыв к раскрепощению женщины: «Отпусти меня, родная», — убеждает его и всех присутствующих в ее огромном таланте.

Здесь, к величайшему огорчению всех, кому дороги интересы нашей литературы, пьеса Некрасова обрывается.

Естественно возникает вопрос, как собирался Некрасов закончить свою пьесу, в частности будет ли Люба Тарусина «загублена» «скучающими столичными господами», «как и ее мать», или же выйдет победительницей из уготованных ей испытаний. Мы держимся того мнения, что последний исход представляется более вероятным. Поэт недаром вкладывает в уста своей героини песню «Отпусти меня, родная». Эта песня проникнута страстною верою в себя, в свои силы. Люба, действительно, «не травка полевая», она, действительно, «взросла у моря», в том смысле, что привыкла к бурям, привыкла к борьбе. «Загубить» такого человека не так то легко. Тем более, что Люба — представительница молодого поколения, знающая, чего хочет, к чему стремится, — не одинока. Под стать ей «молодой лесничий», уже усвоивший себе определенные общественные симпатии и антипатии.

Но, повторяем, комедия не окончена, и твердых оснований для ответа на вопрос, как она должна была закончиться, у нас нет.

«Медвежья охота», как уже отмечалось выше, это ряд фрагментов из комедии «Как убить вечер», но переработанных и дополненных новым материалом. Действия в «Медвежьей охоте», строго говоря, нет, а имеется только ряд диалогов, из которых наибольший интерес представляют диалоги Миши и Пальцова. Миша, прототипом которого является М. Н. Лонгинов, типичный либерал. Его «платформа» определяется верою в то, что эпоха Александра II — прогрессивная эпоха:

Часть общества по мере сил развита;

Не сплошь мы пошлости рабы:

Есть признаки осмысленного быта,

Есть элементы для борьбы.

У нас есть крепостник-плантатор,

Но есть и честный либерал;

Есть заскорузлый консерватор,

А рядом — сам ты замечал —

Великосветский радикал!

Давно ли мы безгласно шли,
Куда погонят нас, давно ли?..

Теперь, куда ни посмотри,
Зачатки критики, стремленье...

Мише противопоставлен Пальцов. Мишиной веры в российский прогресс он абсолютно не разделяет. Не разделяет, прежде всего, потому, что этот прогресс в кавычках не внес сколько-нибудь существенных перемен к лучшему в положение народных масс:

Немного выиграл народ,
И легче нет ему покуда
Ни от чиновных мудрецов,
Ни от фанатиков народных,
Ни от начитанных глупцов,
Лакеев мыслей благородных!

Вера в российский прогресс при существующем порядке и неверие в него разъединяют Мишу и Пальцова, ставят их на различные стороны общественной баррикады. И когда Миша заявляет, что

... не одних же пустомель
Встречаем мы и в светском мире:
Есть люди — их понятия шире,
Доступна им живая цель —

то эта попытка защитить светское общество производит совершенно беспомощное впечатление в сопоставлении с той убийственной, в сугубо обличительных тонах выдержанной его характеристикой, в частности характеристикой светских франтов, которую дает Пальцов в самом начале «Медвежьей охоты». Не забудем, что в эту характеристику входят поистине клеймящие слова: «тля», «полумертвецы», «развратом юности ослабленные души».

И из этой поистине растленной среды выходят деятели, занимающие высшие административные посты.

Таково настоящее.

Но недавнее прошлое, т. е. николаевская эпоха не лучше, а еще хуже:

«Не рассуждать, — повиноваться!» —
Девиз был общий...

Итак, картины и русской современности и русского недавнего прошлого нарисованы в «Медвежьей охоте» очень мрачными красками. Но Некрасов недаром был великим сыном великого народа. В его творчестве есть горькие ноты, — если бы их не было, он искажил бы действительность, — но в пессимизм он никогда не впадал. И «Медвежья охота» не-

порождает, в конечном результате, пессимистических настроений. В ней есть знаменательное упоминание о «племени молодом»,¹ способном, во имя интересов народа и родины, «бросаться прямо в пламя»¹ и, если нужно, то «и погибать».¹ Представители этого «племени молодого» не имеют ничего общего с либералами, т. е. «рыцарями доброго стремления и беспутного житья».

Не в меньшей мере предохраняет и поэта и его читателей от пессимизма мысль о славных деятелях прошлого, которыми никогда не оскудевала русская земля.

Да! были личности!.. Не пропадет народ,
Обретший их во времена крутые!

Эти личности — Белинский и Гоголь, причем некрасовская оценка общественной роли Белинского выражена в великолепных стихах («Белинский был особенно любим» и т. д.), до сих пор не утравших способности волновать сердца.

¹ Курсив наш. — В. Е.-М.